

АКТИВИЗАЦИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА»: «ЗАСТОЙНЫЕ» КОРНИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ?

Сергей Сергеевич Алымов

Институт этнологии и антропологии РАН
32а Ленинский пр., Москва, Россия
alymovs@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются представления советских философов и экономистов 1970–1980-х гг. о личности / советском человеке. Автор анализирует взгляды официальных философов консервативного и либерального лагеря на сущность развитого социализма. Реформаторы (А.П. Бутенко, А.С. Ципко) подчеркивали рост значения индивида в современном обществе и экономике, связывая «гуманизацию» общества с ростом потребления и развитием личности. Ортодоксы (Р.И. Косолапов) ссылались на определение труда как родовой сущности человека, данное К. Марксом. Создавая модель советского человека, они ориентировались на образ индустриального рабочего (Г.Л. Смирнов). В основе мотивации его деятельности, по их мнению, лежало совпадение интересов общества и личности. Эта концепция оказалась под ударом критики, утверждавшей, что она не учитывает «природу человека». Реформаторы указывали на «эгоистические интересы личности» и связанную с ними активность как на биологически обусловленные. Символом этого часто выступал «крепкий» крестьянин. «Активизация человеческого фактора» стала актуальной проблемой повестки реформаторов. Т.И. Заславская предложила программу оздоровления экономики и трудовой этики советского человека посредством рыночных механизмов. Социолог Ю.А. Левада радикализировал критику идеи советского человека, предложив образ *Homo soveticus* и альтернативную ему модель прагматичного индивидуалиста. В статье делается вывод, что образ *Homo economicus* как социально одобряемой модели вынашивался представителями либерального крыла экспертного сообщества еще в 1970–1980-е гг. Автор считает, что генезис «неолиберальной субъективности» уходит корнями в эпоху до начала рыночных реформ 1990-х гг.

Ключевые слова: идеология, советская философия, личность, субъективность, советский человек, советские экономисты, неолиберализм.

Для ссылок: Алымов С. Активизация «человеческого фактора»: «застойные» корни неолиберальной субъективности? // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 54–92.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-54-92

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/alymov.pdf>

“ACTIVATING THE HUMAN FACTOR”: THE LATE-SOVIET ROOTS OF NEOLIBERAL SUBJECTIVITY?

Sergei Alymov

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
alymovs@mail.ru

Abstract: The article considers concepts of personality and the Soviet Man held by Soviet philosophers and economists. The author analyzes the ideas about “developed socialism” of philosophers of liberal and orthodox Marxist convictions. The reformers (A. P. Butenko, A. S. Tsipko) foregrounded the importance of the individual and the humanization of society, interpreted as a development of personality and consumption. Orthodox Marxists (R. I. Kosolapov) relied on Marx’s ideas about labour as the essence of humanity. An idealized industrial worker was for them a model Soviet Man (G. L. Smirnov). The key motive of his activity was the idea of the unity of interests of the individual and society. This idea came under attack for not taking into account “human nature”. Reformers tended to argue that “egoistical interests” were biologically determined. They referred to the character of a well-off peasant to symbolize this idea. The “activation of the human factor” became a motto for the reformers’ agenda. T. I. Zaslavskaya developed a program of recovering the Soviet economy and work ethic through market reforms. Yu. A. Levada offered a negative interpretation of *Homo Sovieticus* and a positive alternative of a pragmatic individualist. The author concludes that liberal experts gestated *Homo Economicus* as a positive role model already in the early 1980s, so the early stages of the genesis of Russian neoliberal subjectivity go back to the pre-Perestroika period.

Keywords: ideology, Soviet philosophy, personality, subjectivity, Soviet man, Soviet economists, neoliberalism.

To cite: Alymov S., ‘Aktivizatsiya “chelovecheskogo faktora”: “zastoynye” korni neoliberalnoy subektivnosti?’ [“Activating the Human Factor”: The Late-Soviet Roots of Neoliberal Subjectivity?], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 37, pp. 54–92.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-54-92

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/037/alymov.pdf>

Сергей Алымов

Активизация «человеческого фактора»: «застойные» корни неолиберальной субъективности?

В статье рассматриваются представления советских философов и экономистов 1970–1980-х гг. о личности / советском человеке. Автор анализирует взгляды официальных философов консервативного и либерального лагеря на сущность развитого социализма. Реформаторы (А.П. Бутенко, А.С. Ципко) подчеркивали рост значения индивида в современном обществе и экономике, связывая «гуманизацию» общества с ростом потребления и развитием личности. Ортодоксы (Р.И. Косолапов) ссылались на определение труда как родовой сущности человека, данное К. Марксом. Создавая модель советского человека, они ориентировались на образ индустриального рабочего (Г.Л. Смирнов). В основе мотивации его деятельности, по их мнению, лежало совпадение интересов общества и личности. Эта концепция оказалась под ударом критики, утверждавшей, что она не учитывает «природу человека». Реформаторы указывали на «эгоистические интересы личности» и связанную с ними активность как на биологически обусловленные. Символом этого часто выступал «крепкий» крестьянин. «Активизация человеческого фактора» стала актуальной проблемой повестки реформаторов. Т.И. Заславская предложила программу оздоровления экономики и трудовой этики советского человека посредством рыночных механизмов. Социолог Ю.А. Левада радикализировал критику идеи советского человека, предложив образ *Homo soveticus* и альтернативную ему модель прагматичного индивидуалиста. В статье делается вывод, что образ *Homo soveticus* как социально одобряемой модели вынашивался представителями либерального крыла экспертного сообщества еще в 1970–1980-е гг. Автор считает, что генезис «неолиберальной субъективности» уходит корнями в эпоху до начала рыночных реформ 1990-х гг.

Ключевые слова: идеология, советская философия, личность, субъективность, советский человек, советские экономисты, неолиберализм.

Принято считать, что 1960–1980-е гг. в социокультурной сфере характеризовались повышенным вниманием к понятию личности, декларациями о «гуманизме» и развитии гармоничного человека как высшей ценности социалистического строя [Хархордин 2002; Бикбов 2014]. Если человек эпохи 1920–1930-х гг. стремился, как показывают истоки «субъективности», к коренной переделке себя в стремлении вписаться в предложенные ему классовые модели, стать «новым человеком», то индивид позднего социализма, по всей видимости, имел представление о более широкой автономии личности [Pinsky 2017]. Тем не менее идеологи, философы и социологи 1960–1980-х гг. потратили немало усилий не только на создание нормативного образа «советского человека», но и на размышления о меняющейся сущности этой субъективности в эпоху развитого социализма. Более того, можно говорить о нескольких моделях советского человека в официальной социально-философской литературе, соответствовавших идеологическим предпочтениям их авторов.

Сергей Сергеевич Алымов
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
alymovs@mail.ru

«Советская интеллектуальная жизнь до перестройки была разнообразной и полной конфликтов», — утверждает историк Марк Сэндл, предлагая исследователям не переоценивать значение диссидентов и обратить особое внимание на академических экспертов и аппаратчиков, имевших гораздо большее влияние на ход событий в стране [Sandle 2002a: 156]. В статье я анализирую концепции видных интеллектуалов позднесоветской эпохи: А.П. Бутенко, Т.И. Заславской, Р.И. Косолапова, Г.Л. Смирнова и А.С. Ципко, принадлежавших к указанной Сэндлом категории. Почти все они имели степень доктора философских наук, кроме Заславской, которая была академиком и доктором экономических наук. Все имели непосредственное отношение к производству «авторитетного дискурса» эпохи [Юрчак 2014], будучи вовлечены в подготовку программных партийных документов и работая в аппарате ЦК. Как будет видно из дальнейшего, эти авторы встречались лично, работали в одних учреждениях, поддерживали или оппонировали друг другу в идейной борьбе, так что сопоставление их концепций личности / советского человека позволяет достаточно полно охватить всю палитру идей в этой области, доступную в официальной социально-политической литературе.

В то же время в статье делается попытка увидеть советские «дискурсивные формации» в свете происшедшего в тот период глобального процесса распада социализма и других форм социального государства. В области представлений о человеке и его реальном поведении эта трансформация описывалась некоторыми аналитиками как превращение *Homo soveticus* в *Homo economicus* [Рывкина 2001: 270–290]. Однако если генеалогия *Homo economicus* на Западе насчитывает несколько веков [Лаваль 2010], то становление отечественной версии «неолиберальной субъективности» представляется, как правило, процессом, начавшимся непосредственно после распада СССР. Существовали ли предпосылки такого развития в теориях и практиках позднего социализма? Какими виделись экономические мотивы активности советского человека? Каковы были альтернативные трактовки развития человека и общества, сосуществовавшие в официальной печати? Наконец, можем ли мы говорить о каких-то элементах модели неолиберальной субъективности, принятых советскими интеллектуалами уже в 1970–1980-е гг.?

Неолиберализм — широкое и многозначное понятие, часто используемое в западных социальных науках (как правило, критической направленности), но гораздо менее распространенное среди российских исследователей. Существует консенсус относительно определения неолиберализма как «нового политического, экономического и социального устройства обще-

ства, которое подчеркивает роль рыночных отношений, изменение роли государства и ответственности индивидов». Это устройство определяется прежде всего «распространением рыночной конкуренции во всех сферах жизни, включая экономику, политику и общество» [Springer et al. 2016: 2]. Неoliberalизм «распространяет модель рынка на все сферы и занятия — даже не связанные с деньгами — и представляет людей исключительно как акторов рынка, всегда и везде только в качестве Homo economicus» [Brown 2015: 31]. Становление этого устройства связывается с серией политико-экономических реформ, осуществленных в 1970–1980-х гг. в Чили, Великобритании, Северной Америке, Китае, СССР / России и других странах и направленных на дерегуляцию, либерализацию и приватизацию экономики. С марксистской точки зрения идеология неоллиберализма, провозглашавшая неразрывную связь ценностей индивидуальной свободы, рынка и частной собственности, послужила легитимации усиления экономического и политического могущества корпоративных элит и концентрации капитала [Harvey 2005: 3–38].

Прежде чем стать господствующей, эта идеология прошла долгий путь развития и борьбы за идейную гегемонию. Детали этого пути изучаются историками, которые выделяют различные школы, национальные и академические традиции внутри этого движения. К примеру, Дж. Пек указывает на необходимость изучения «протонеоллиберализма» — истории движения на его ранних этапах. Тогда оно представляло собой «экспериментальный и полицентрический проект» интеллектуалов, объединенных набором общих ценностей и размышлениями над основной проблемой — механизмами и способами сочетания свободной экономики и сильного государства [Pesk 2008]. Историки экономики Ф. Мировски и Д. Плеве рассматривают неоллиберализм как «интеллектуальное сообщество» (thought collective), координационным центром которого было общество «Мон Пелерин», образованное в 1947 г. в Швейцарии. В нем принимали участие все ключевые неоллиберальные мыслители, среди которых наиболее известны Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес и Милтон Фридман. Так же как и предшествующий обществу «коллоквиум Вальтера Липпмана», организованный в 1938 г. в Париже, общество ставило целью защиту главных ценностей цивилизации и «западного человека» (таких как свобода и человеческое достоинство), которые, по их мнению, недостижимы без частной собственности, рынка и конкуренции. Неоллиберализм, таким образом, был проектом по возрождению либеральной идеологии в мире, в котором господствовали тоталитаризм, социализм и кейнсианство [Mirowski, Plehwe 2009: 22–26].

В антропологии понятие неолиберализма стало активно использоваться уже в начале XXI в. Выделяются два основных тренда: политэкономические исследования эффектов приватизации, сворачивания социального государства и структурных реформ в разных частях мира, как правило в марксистской парадигме, и изучение технологий формирования субъективности на основании ценностей индивидуализма, предпринимательства и рыночной конкуренции, основывающееся на работах Фуко [Ganti 2014: 94]. Обобщая представления о «неолиберальном субъекте», антрополог Илона Гершон выделяет две основные черты: представление о субъекте (и таких категориях, как рынок, конкуренция и т.д.), во-первых, как о «социально сконструированном» и, следовательно, нуждающемся в постоянном сознательном менеджменте, а во-вторых, как об обладателе «набора черт и навыков», которые, по аналогии с бизнес-управлением, должны постоянно развиваться и инвестироваться на основании рационального расчета [Gershon 2011: 539–543].

Исследования формирования «неолиберальной субъективности» активно развиваются на российском материале. Они концентрируются на содержании и эффектах различных бизнес-тренингов, пособий по достижению успеха и психологических консультаций по развитию личности. А. Юрчак описал формирование в России 1990-х гг. модели неолиберального Homo economicus — «настоящего карьериста», призванного сделать бизнес основой своего образа жизни и не отделяющего частную жизнь от работы [Yurchak 2003]. Т. Матца анализирует психологическое ток-шоу Михаила Лобковского как один из примеров неолиберального конструирования «я», предлагающего техники самоконтроля и повышения самооценки как способ решения психологических и социальных проблем, а также психологические тренинги воспитания «хорошего индивидуализма» [Matza 2009; 2012] (см. также: [Honey 2014]).

Рекомендации и пособия для «делового человека» публиковались и в СССР. В наиболее передовом экономическом журнале — новосибирском «ЭКО» — уже в начале 1980-х гг. были рубрики «Социально-психологический практикум» и «Советы деловому человеку», в которых печатались как переводы американских гуру менеджмента, так и работы отечественных пионеров рыночного просвещения [Липсиц 1982]. Эта статья, конечно, не ставит своей задачей доказать тезис о прямой преемственности между «идеальными типами» советского человека и постсоветского неолиберала. В ней, однако, поднимается вопрос о гетерогенности трактовок первого «типа», которая позволяет считать некоторые идеи, высказывавшиеся представителями реформаторского крыла советских интеллектуалов,

созвучными моделям, получившим развитие уже в постсоветскую эпоху. Исследование Дж. Бокман «левых корней неолиберализма» показывает возможности и в то же время сложности поиска такого рода преемственности. В своей истории неоклассической школы в экономике, часто отождествляемой с неолиберализмом, автор демонстрирует, что экономические модели социализма играли большую роль в развитии этой теории, а принимаемые как само собой разумеющиеся «неразрывная связь рынка и капитализма и обязательная несоместимость рынка и социализма» являются аберрацией постсоциалистической эпохи [Bockman 2011]. Бокман указывает на забытую традицию неоклассической экономики, лежавшую в основе рыночного социализма в Венгрии, Югославии и других социалистических странах. Она пишет, что многие неоклассические экономисты считали состояние «общего равновесия» достижимым как при помощи рынков, так и при помощи планирования и расходились по линии сторонников не столько социализма / капитализма, сколько «децентрализованных демократических институтов» (к примеру, рабочей собственности, кооперативов и т.д.) и авторитарно-иерархических институтов, притом что и те и другие возможны в рамках как социализма, так и капитализма. По мнению Бокман, многие сторонники демократического рыночного социализма на Востоке и на Западе изначально восприняли реформы 1989–1990 гг. как переход не к капитализму, а к рыночному социализму, идеи которого разрабатывались ими на протяжении всего XX в. Представленный в ее исследовании подход позволяет, на мой взгляд, проследить неочевидные генеалогии в области истории идей, чему посвящена и настоящая статья (см. также: [Bruisch 2016]).

Социализм в теории и на практике не сводился к плановой экономике советского образца, различные модели рыночного социализма имели своих сторонников и в СССР. Прежде чем рассмотреть представления о советском человеке, следует обратиться к представлениям о социалистическом обществе.

Конкурирующие образы развитого социализма

Поле идеологического производства позднего СССР включало многие социальные институты, обслуживавшие достаточно разнородные и конфликтовавшие друг с другом позиции. Наиболее важными центрами, контролировавшими это производство, были аппарат ЦК с его отделами (идеологическим, пропаганды, международными и т.д.), академические институты системы АН и АОН, редакции центральных газет и журналов. Самые видные идеологи того времени работали в системе

перечисленных выше организаций, переходя из одной в другую (к примеру, из журнала «Коммунист» в отдел ЦК, из ЦК в академический институт и обратно), меняли и совмещали «регистры» своего влияния (от публицистики и газетной работы до аппаратных интриг и цензуры). Сторонники разных взглядов зачастую работали бок о бок в одних коридорах, что не мешало им полемизировать и враждовать друг с другом. Степень влияния тех или иных авторов на власть и общество, а также их возможность искренне выражать свои взгляды различались в зависимости от периода (1960-е, «застой», перестройка). Как уже было сказано, официальный дискурс допускал определенное разнообразие взглядов и оценок. Достаточно условно можно выделить основные тенденции — реформаторскую и консервативную [Митрохин 2013].

Характерным представителем реформаторского крыла был Анатолий Павлович Бутенко (1925–2005). Окончив философский факультет как специалист по ревизионизму и странам Центральной и Юго-Восточной Европы, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Бутенко работал в журнале «Коммунист». В 1964 г. он перешел заведовать отделом общих проблем социализма в Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), в котором (под измененным названием) и проработал до конца своих дней, а также преподавал в МГУ. Созданный в 1960 г. для обслуживания интеграции стран социализма в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), этот институт под руководством академика О.Т. Богомолова в 1970-е гг. оказался цитаделью сторонников рыночного социализма. Институт способствовал «проникновению идей реформирования в общественное сознание и головы руководителей, помог приступить к перестройке в Советском Союзе» [Богомолов 2007: 19]. Действительно, среди его сотрудников были экономисты-«рыночники» О.Р. Лацис, Г.С. Лисичкин, Н.П. Шмелев, Г.И. Шмелев, а также философ А.С. Ципко. Несмотря на то что Бутенко отклонил предложение Ю.В. Андропова работать под его руководством в отделе ЦК по связям с социалистическими странами, на протяжении 1970–1980-х гг. он был в числе группы «белых негров», готовивших важнейшие партийные документы «застойной» эпохи [Бутенко 2000а: 118–121]. Одной из ярких страниц деятельности «белых негров» была подготовка отчетного доклада ЦК на XXIV съезде КПСС (1971). По предложению Бутенко в проект доклада была вписана фраза «самоотверженным трудом советских людей будет построено развитое социалистическое общество», отражавшая его представление о «скромной» и «реалистичной» оценке достижений и перспектив советского социализма. Однако, согласно воспоминаниям философа, Брежнев был недоволен

столь бледной оценкой и предложил записать, что «мы развитой социализм все-таки построили», положив тем самым начало соответствующей эпохе [Бутенко 2000а: 181]. (Отметим, что термин «развитой социализм» не был изобретен Бутенко, впервые он возник в Чехословакии в 1960 г. и использовался в 1960-е в Венгрии и других соцстранах как теоретическая база реформизма [Sandle 2002b: 172].)

Последовав установленному таким образом определению социального строя СССР, Бутенко в рамках дозволенного отстаивал реформистскую платформу. Достижением концепции развитого социализма, по его мнению, был вывод о «собственной основе» социализма, или специфических для социализма общественных отношениях: «[С]оциализм — это вовсе не временное состояние черт незрелого коммунизма и “родимых пятен капитализма”, а общественный строй, характеризующийся едиными по своей социальной сущности чертами, признаками, принципами». Это позволяло признать «социалистическими по своей природе» и общенародную, и кооперативную собственность, социальную структуру советского общества с присущими ей классами, а также считать неперменным атрибутом социализма «товарное производство со всей системой товарно-денежных отношений» [Бутенко 1989: 77–78]. Стремясь легитимировать товарное производство, хозрасчет и «такие категории, как деньги, цена, прибыль и т.д.», Бутенко, как и все реформаторы, обращался к авторитету Ленина и его работам периода НЭПа. Анализируя историю первых лет революции, он показывал, что Ленин обогатил марксизм, столкнувшись с построением нового общества в преимущественно крестьянской стране. Во время революции и «военного коммунизма» он исходил из ортодоксального представления о социализме как бесклассовом обществе, основанном на единой форме собственности и продуктообмене, упраздняющем товарно-денежные отношения. К 1921 г. Ленин скорректировал это представление в трех отношениях: вместо единой общественной / государственной собственности — сочетание общенародной и кооперативной собственности и соответственно признание крестьян как класса; признание товарно-денежных отношений вместо продуктообмена; признание личной материальной заинтересованности как основного стимула социалистического строительства. Эти идеи НЭПа Бутенко призывал считать не «временной уступкой буржуазным элементам», а важными положениями о социализме как таковом, имеющими актуальность и «международное значение» [Бутенко 1974: 186–189]. В ходе перестройки, активным сторонником которой он стал, Бутенко резко критиковал сталинский «казарменный социализм», а после 1991 г. написал ряд работ, в которых объяснял

построение социализма в СССР и других странах «историческим забеганием», преждевременным в условиях экономической неразвитости [Бутенко 2000б].

Ярким представителем ортодоксальных марксистов-консерваторов и главным оппонентом Бутенко и других реформаторов был Ричард Иванович Косолапов (род. 1930). После окончания философского факультета МГУ он в 1964–1966 гг. работал под начальством Бутенко в ИЭМСС, с 1966 по 1974 г. — вместе с Г.Л. Смирновым в отделе пропаганды ЦК, с 1976 по 1986 г. — главным редактором журнала «Коммунист». Уход Косолапова с этого поста был связан, по-видимому, с неприятием политики Горбачева. В личном письме последнему Косолапов высказался против «дискредитации общенародной формы собственности» и ставки на рынок, конкуренцию и мелкое производство [Косолапов 1996: 38–40]. С первых своих публикаций он выступал на стороне «антитоварников», считавших, что стоимость, деньги, товар и другие категории политэкономии при социализме сохраняют лишь свою «форму» или отмирают, уступая место прямому обмену потребительскими стоимостями в едином плановом хозяйстве. В 1971 г. Косолапов опубликовал брошюру «Ни тени утопии», где сформулировал теоретические основы борьбы против левых (Китай) и правых (Югославия, Чехословакия) ревизионистов. Попыткам последних возродить «многоукладную экономику с широкой предпринимательской инициативой частных собственников» и «кооперативный социализм» он противопоставлял единые критерии развитого социализма, по отношению к которым различные «кооперативные варианты» являлись шагом назад в построенной им эволюционной схеме [Косолапов 1971: 94, 136–137]. Эта схема сводилась к классификации труда (и, следовательно, исторических эпох) по критериям индивидуальности / коллективности использования орудий, организации труда и присвоения продукта. Мировая история, согласно этой схеме, закономерно приводила к коллективности во всех трех сферах. Формуле «трех К» (коллективность в использовании орудий, организации труда и присвоении продукта), являвшейся воплощением зрелого социализма, соответствовала государственная промышленность. Для окончательного же торжества этой формулы необходимы вытеснение индивидуального труда, т.е. полная его механизация в промышленности, слияние кооперативной формы собственности с общенародной и исчезновение личных хозяйств колхозников и рабочих совхозов с их индивидуальной формой организации труда и потребления [Там же: 95–96]. СССР не вполне соответствовал этим критериям, страны Центральной и Восточной Европы, сохранявшие значительный слой индивидуальных крестьянских

и мелких частных хозяйств, — еще менее, следовательно, они находились пока на переходной стадии на пути к развитому социализму.

В то время как сторонники реформ и «ревизионисты» стремились «опереться» на Ленина как автора модели социализма, отличной от марксовской и основанной на сосуществовании двух форм собственности, Косолапов был ярким противником этих взглядов. НЭП не играл никакой роли в его историко-философских построениях. Коллективизация, напротив, была закономерным этапом становления «социалистической единородности». Полемизируя с «рыночниками», он критиковал «закрепление противоречий “нэпманской” обстановки» и причисление мелкотоварных и единоличных хозяйств к социалистическим общественным силам [Косолапов 1984: 167–168]. Философ также указывал на индустриализацию сельского хозяйства, создание агропромышленных комплексов и «рост уровня социалистического обобществления» как основные тенденции развития сельского хозяйства [Косолапов 1975: 400–401]. Перспектива уничтожения классов и слияния наций была важной составляющей философии Косолапова: «В настоящее время в СССР наблюдаются заметные признаки формирования бесклассового общества» [Там же: 427]. В то же время он подчеркивал центральную роль рабочего класса как «социального сердца» становящегося бесклассового общества: «[П]о мере сближения сельскохозяйственного труда с промышленным по его техническому оснащению колхозное крестьянство все больше обретает черты сходства с рабочим классом», уподобляясь «массиву работников современного научно организованного индустриального производства» [Там же: 440–442]. Резюмируя, можно назвать Косолапова главным противником «товарно-денежного романтизма» реформаторов, который в свою очередь «романтизировал» крупное индустриальное производство, коллективные формы труда и потребления. Впрочем, он не был слепым апологетом «развитого социализма». В докладной записке, поданной А.Н. Яковлеву в 1970 г., Косолапов предлагал бороться с фактами хищений, спекуляции и нетрудовых доходов путем введения жесткого контроля над доходами населения и свертывания закрытого снабжения аппарата [Косолапов 1995].

Советский человек / личность между ревизионизмом и ортодоксией

Охарактеризованным выше разновидностям официальной доктрины соответствовали различные представления о личности и природе человека. Идеи «реформаторов» в этой области

рельефно отразились в работах Александра Сергеевича Ципко (род. 1941). Карьера этого автора строилась в описанном выше «идеологическом поле» между прессой (работа в «Комсомольской правде»), Академией наук (ИЭМСС) и аппаратом ЦК (консультант международного отдела ЦК в 1986–1990 гг.). Он был близко знаком и солидарен с «идеологами трех революций: чешской 1968 г., польской 1980 г. и советской 1986–1991 годов». В мемуарах под названием «Исповедь одессита-анти-советчика: агент “Солидарности” в команде Горбачева» он описывает свой путь как становление русского националиста, поклонника «Вех» и Бердяева, сознательного противника марксизма, на протяжении 1960–1980-х гг. «в сносках» и «по крохам» публиковавшего критику этой идеологии [Ципко 2011: 115–119]. Через посредство Г.Л. Смирнова идеи книги Ципко 1983 г. о кооперации и «человеческой цивилизации» использовались в речах Горбачева на XXVII съезде, а сам он был огражден от преследований своего идеологического врага Косолапова [Там же: 120–133]. В начальный период перестройки Смирнов действительно поддерживал критику сталинизма в работах Бутенко и Ципко, однако последний лишь использовал ревизионизм как единственный легальный способ «утверждать гуманистические ценности», не веря в возможность «реформировать марксизм» [Там же: 138–139].

Несмотря на скепсис по отношению к гуманистическому социализму и его сторонникам, заявленный в мемуарах, на протяжении 1970–1980-х гг. Ципко активно продвигал эту повестку. Интересным свойством его мышления было позитивное отношение к преемственному эволюционному развитию, в процессе которого он видел разрывы, и внимание к качественным изменениям, происходящим в современности. Суть этих измерений сводилась к тому, что «без постоянного развития индивидов, без культивирования активных форм самореализации в производстве и в быту не может развиваться современное производство». Такие прежде индифферентные к производству сферы, как образование, потребление, здравоохранение, досуг и вообще «вся структура жизни человека» в современных условиях «имеют прямое отношение к созданию той производительной силы, которая становится центральным компонентом производства прогресса» [Ципко 1974: 186]. «Вступая в период строительства и совершенствования развитого социализма, европейские страны — члены СЭВ одновременно вступают в период растущего значения “субъективных”, личностных факторов этого развития» [Ципко 1980: 44].

В разделе с характерным названием «Оправдание повседневности» философ анализировал изменения характера мотива-

ций советского человека: если 1920–1930-е гг. были временем «экзальтации, а иногда и фетишизации <...> идеалов», ради которых шли на жертвы личными интересами и даже жизнью, то человек развитого социализма все больше стремится к радостям «мирного труда, любви, отдыха и, что греха таить, к радостям обильного стола», в которых, подчеркивает автор, нет ничего постыдного, это всего лишь возвращение к «прописным истинам человеческого бытия». Ципко представлял защитником интересов «простого» человека и его повседневности, на которую покушаются сторонники очередного «героического» рывка в коммунизм. Ратуя за идеалы «европейского гуманизма», он призывал отделить его от капиталистического общества эгоистического потребления. Ориентируясь на античную и возрожденческую модели человека, основанные на равновесии между «быть» и «иметь», социализм сможет, по его словам, избежать ложной альтернативы между потребительским сверхизобилием Запада и «традиционной бедностью Востока» [Ципко 1980: 148–151].

При всей притягательности «античного идеала» человека реалистичной моделью гармоничного сочетания личного и общественного, олицетворенного античностью, для Ципко и теоретиков его круга выступал крестьянин. Будучи сторонниками и пропагандистами «ленинского плана кооперации» и НЭПа, именно в кооперации они видели возможность «активизации» работника, его вовлечения в творческую заинтересованную деятельность. Уже первая крупная публикация Ципко 1968 г. включала главу «Нужен ли селу крестьянин?», в которой обсуждались эксперименты по введению хозрасчетных звеньев в СССР и Венгрии [Кокашинский и др. 1968]. Академическая монография «Некоторые философские аспекты теории социализма» (1983) продолжала эту линию. Ленин в этой работе представлял прежде всего как теоретик социализма «цивилизированных кооператоров», обеспечивающего «определенную экономическую децентрализацию в обществе, наличие в нем многих независимых субъектов хозяйствования». Кооперативная форма, подчеркивал Ципко, «сохраняет условия для удовлетворения “личного интереса”, “интереса выгоды”, т.е. для сохранения традиционных экономических стимулов к труду, и в то же время обеспечивает коллективность труда, способствует его объединению» [Ципко 1983: 152–156]. Главным в ленинском учении Ципко называл тот факт, что субъектом этой формы хозяйствования является сам индивид, а «работа на себя и своих ближних косвенно также может содействовать развитию социализма» [Там же: 165].

В 1985 г. Ципко опубликовал статью «Возрастание роли человеческого фактора в экономическом развитии социализма»,

в которой провозгласил гуманизацию и даже «антропоцентризм» современного подхода к экономике. Критикуя «технократический подход к развитию социализма», связанный с фабричной индустрией, он считал необходимым всячески поощрять «человеческую субъективность» в труде, «восстановить в своих правах царство “человеческой субъективности”», характерное для ремесленного, полухудожественного труда» [Ципко 1985: 28]. При этом он указывал на то, что определяющими мотивами в труде и при социализме являются материальные интересы и выступал за «развитие экономических форм контроля за поведением человека в производстве»: «Если раньше общим местом было утверждение, что духовное, личностное развитие индивида начинается там, где кончается власть экономической необходимости, то ныне развитие индивидуальных способностей связывается именно с укреплением экономических стимулов к производительному труду» [Там же: 30].

Своего рода пиком интеллектуальной карьеры Ципко стала публикация цикла статей «Истоки сталинизма», осуществленная при активном содействии дочери Хрущева Р.Н. Аджубей. По словам Ципко, это была «откровенно антикоммунистическая статья», начавшая его «борьбу с советским строем» в массовой печати [Ципко 2011: 112]. Она была направлена против «левого радикализма» русской интеллигенции, органичным продолжением традиций которой, уверял Ципко, оказывался сталинизм. Главным врагом «левых вождей» был крестьянин, с которым связывалось все, что не вписывалось в их утопический идеал, в том числе «рынок», торговля, общечеловеческая мораль и культура. Большевики и левая интеллигенция, по мнению Ципко, имели «руссоистское», идеализированное представление о природе человека, в погоне за которым они уничтожили «нэпманский, рыночный, товарный, крестьянский мир» восьмидесяти процентов населения России, равно как и все цивилизованные и «общечеловеческие» механизмы «сдерживания природного эгоизма человека» [Ципко 1988: 45–47]. В статье с характерным названием «Человек не может изменить своей природе» философ продолжил свою апологию «эгоистического интереса личности» [Ципко 1989: 77]. Критика коллективизации как «политики антиотбора» дополнялась утверждением об уничтожении в ее ходе «активного генотипа личности», «всех тех, кто “прикипел” к земле, умел ладно, справно и усиленно работать». «Жизненный опыт каждого подтверждает предположение Н. Амосова о том, что в любой популяции люди сильные, с ярко выраженным желанием работать обособленно, на себя, составляют от 5 до 10 процентов. К примеру, в русской деревне настоящее кулачество как раз и составляло 4–5 %» [Там же: 73]. Таким образом, к концу

1980-х гг. обличение реформаторами преступлений сталинизма и «защита» крестьянства как класса постепенно вырабатывали у них представление об «активной» и эгоистической человеческой природе, наиболее ярким выражением которой был образ крестьянина-кулака.

Ципко защищал «человека» от искусственно сконструированного идеала, на котором была построена «абсурдная» экономическая модель сталинизма, продолжившаяся в «застое». «Личность» не была, однако, монополией реформаторов. Достаточно вспомнить о сборнике «Что такое личность?» под редакцией главного противника реформаторов Косолапова, который, если верить Ципко, не только противодействовал публикации его работ, но и «ненавидел российское крестьянство искренне и откровенно» [Ципко 2011: 175]. Уже ранние публикации Косолапова, к примеру «Коммунизм и свобода» (1960), были во многом попыткой создания концепции личности, опиравшейся на определение труда как «родовой сущности человека» К. Маркса. Комментируя другое известное определение Маркса — о сущности человека как «совокупности всех общественных отношений», он считал необходимым уточнить, что под этими отношениями следует понимать не «преходящие экономические структуры», различные для разных формаций (в этом случае придется признать «плюралистичность» этих сущностей), а «непосредственно трудовые отношения, общие для многих эпох». Таким образом «потребность в труде» является «материальной потребностью», которая «отличается от других материальных потребностей тем, что она обязана своим происхождением не естественной, а социальной природе человека, потребности человека в самоутверждении как активного и общественного существа» [Косолапов 1985: 294].

Разрабатывая свою концепцию развития «творческого стимула к труду» и превращения труда в «потребительскую ценность», Косолапов указывал на «невозможность наступления коммунизма без активного развития индивидуального, личного интереса», недостаточность «идеальных» или моральных стимулов наподобие долга индивида перед обществом [Косолапов 1975: 295–296]. Однако «личный интерес» виделся ему как интерес к труду как таковому — к процессу труда, который по мере развития автоматизации и превращения науки в производительную силу должен становиться все более творческим и разнообразным, проявляя, таким образом, «творческую сущность» человека. В этих рассуждениях Косолапов опирался на популярную в 1960-е гг. социологию труда, согласно которой рабочие ценили в своей работе прежде всего отношения с товарищами в коллективе, удобный график и увлекательность труда, а затем уже зарплату. «Личная выгода» оказывалась для

рабочих менее важной, чем «нравственные и творческие ценности». Становление «потребности в труде» стимулирует расширение распределения «по потребности», т.е. увеличение распределения за счет общественных фондов, а не зарплаты: «[В]озрастание роли общественных фондов в удовлетворении потребностей членов общества есть свидетельство возрастания удельного веса труда по потребности в общей массе общественного труда» [Косолапов 1975: 279]. Интересно, что Косолапов (как и позднее Ципко) стремился аргументировать свою позицию биолого-психологическими гипотезами. Ссылаясь на Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, он призывал исследовать «биосоциальную структуру» человеческой деятельности, так как потребность в труде, скорее всего, отражается в структурах мозга. «Формирование функциональных органов творческого труда» у подрастающих поколений, по мнению Косолапова, являлось основной задачей ряда наук по формированию нового человека [Там же: 310].

Косолапов противостоял «участившимся в 60–70-е годы попыткам представить в качестве последовательно революционной силы не пролетариат, а средние слои, мелких производителей» как возрождению «мелкобуржуазного социализма» [Косолапов 1985: 103]. Он утверждал, что новый человек формируется «по образу и подобию лучших представителей индустриального, фабрично-заводского отряда рабочего класса», а также указывал на возрастающую роль умственного труда в деятельности рабочих. Говоря о советском крестьянстве, он подчеркивал его «приобщенность <...> к коллективистскому типу хозяйствования и укладу жизни» и характеризовал его как социальную группу, «перенявшую многие существенные черты» рабочего класса и действующую только в союзе с ним [Там же: 122–126]. Еще одной чертой позиции Косолапова, отразившейся в его полемике с «реформаторами», была неприязнь к представленному в работах Ципко «оправданию повседневности». «Социализм — это трудовое, а не потребительское общество», свобода личности в нем начинается «не с равнодоступности материальных и духовных благ <...> а с равнодоступности труда по способностям» [Там же: 138].

Как видно из вышесказанного, идеологическое противостояние ортодоксов и реформаторов отражалось в их представлениях о «советском человеке» как современном феномене, а также о природе «человека / личности». Реформаторы-ревизионисты подчеркивали идею «гуманизации» и возрастающей роли «субъективности» в социалистической экономике и обществе, связывая эти понятия с ростом потребления и значением личной выгоды в процессе труда. Выражением некоей изначальной «человеческой субъективности» им представ-

лялся «рыночный, товарный, крестьянский мир». Ортодоксы, в свою очередь, настаивали на концепции человеческой природы, в основе которой лежала идея труда как выражения «родовой сущности» человека, максимальное творческое развитие которой возможно в процессе становления потребности в труде как таковом. Индустриальное и научное развитие занимали в мышлении ортодоксов центральное место, а «товарный, крестьянский мир» и радости потребления представлялись им мелкобуржуазной ересью. Попытка найти компромисс, своего рода «золотую середину» между этими позициями была принята главным специалистом по «советскому человеку» Г.Л. Смирновым. Как будет показано в следующем разделе, этот компромисс оказался непрочным, что отразилось в судьбе как самой концепции, так и ее автора.

«Советский человек» Г.Л. Смирнова

Георгий Лукич Смирнов (1922–1999), как и другие герои статьи, совмещал в своей жизни «роли» философа, идеолога и партийного функционера. В первой половине 1960-х гг. Георгий Лукич заведовал философской редакцией журнала «Коммунист». В 1965–1972 гг. работал в аппарате ЦК КПСС в отделе пропаганды, одновременно с будущим идеологом перестройки А.Н. Яковлевым. Тогда же Смирнов познакомился с социологами И.С. Коном и Г.В. Осиповым, покровительствовал «Таганрогскому проекту» Б.А. Грушина и едва не стал в 1972 г. директором Института конкретных социальных исследований. До 1983 г. в должности первого заместителя отдела он продолжал «курировать» печать, радио и телевидение. В 1983–1985 гг. Смирнов был директором Института философии АН СССР. С января 1985 по январь 1987 г. работал помощником М.С. Горбачева по идеологии, затем — директором Института марксизма-ленинизма (ИМЛ), и оставался на этом посту до мая 1991 г. [Humphrey 2008].

За фасадом успешной карьеры советского аппаратчика скрывается не лишенная драматизма история. «Моя личная трагедия, — признается мемуарист, — состояла не только в том, что я обманулся в Горбачеве, но еще и в том, что я совершенно не предвидел глобальной угрозы советскому общественному и государственному строю» [Смирнов 1997: 6]. Умеренно «прогрессивные» взгляды идеолога предопределили энтузиазм, который Смирнов поначалу испытывал в отношении перестройки. Он понимал и пропагандировал ее в качестве «преодоления чуждых социализму наслоений», обновления социализма и «принципов коллективизма, социальной справедливости и демократизма». Однако после ухода по болезни с поста

советника генсека по идеологии Смирнов все больше чувствовал «смещение акцентов» в деятельности Горбачева и всей идеологической машины. С 1988 г. появились статьи Ю.Н. Афанасьева, А.С. Ципко и других «демократов», переходивших от критики Сталина к «разносной критике Октября» и Ленина. Постепенно Смирнов стал ощущать противодействие работе ИМЛ, в то время как публикации радикальных демократов встречались в партийных верхах «вежливым молчанием». Размышляя над этими событиями в воспоминаниях, Смирнов сделал вывод, что все это было результатом сознательного выбора Горбачева, который предпочел «смену системы» и возврат к капитализму, но все еще был вынужден «говорить вслух одно, думать другое, а делать третье» [Смирнов 1997: 298]. Последний труд ИМЛ под редакцией Смирнова «Ленинская концепция социализма» вышел в 1990 г. и представлял полемику с Горбачевым, равно как и другие запоздалые попытки Смирнова противостоять «антисоциалистическим силам» в партии.

Книга Смирнова «Советский человек», выдержавшая в СССР три издания (1971, 1973, 1980) и переведенная на иностранные языки, — наиболее авторитетное высказывание советского идеолога по данной теме. Ее также можно считать одним из манифестов «социализма с человеческим лицом», автор которого стремился сочетать достаточно ортодоксальный взгляд на советское общество и историю с «гуманистическими» требованиями эпохи. «Социалистический гуманизм» по Смирнову должен быть противопоставлен буржуазным свободам (сводящимся к «свободе частного предпринимательства», «культу индивидуализма», уродующей личность свободе пропаганды расизма, фашизма и т.д.), а также противостоять пропаганде «гуманизации социализма», на деле приводящей, как в Чехословакии, к реставрации капитализма [Смирнов 1968].

К ортодоксальным сторонам произведения можно отнести интерпретацию «основных этапов формирования социалистической личности». Ее дореволюционными истоками, по Смирнову, являлось «соединение» наиболее передового революционного класса — пролетариата — с научным социализмом, давшее в результате «личность революционера большевистского типа», идеальным воплощением которой был Ленин. Одной из главных задач партии после революции было «развитие в человеке труда личности», основные черты которой были сформулированы Лениным: «преданность идеям коммунизма, овладение знаниями и профессиональными навыками, общественно-политическая активность, дисциплинированность и ответственность» [Смирнов 1980: 125]. Ведущую роль в этом процессе играл рабочий класс, крестьянству же пришлось отказать от психологии собственника и в ходе колхозного

строительства «перейти на позиции идеологии рабочего класса». В анализе «социальных типов» современности Смирнов подчеркивал приоритет «личности рабочего человека», носителя таких качеств, как «революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм» [Смирнов 1980: 301]. Он также указывал на то, что колхозники еще зависят от своего личного хозяйства, время от времени выступают на рынке и в целом отстают по уровню культуры и быта. «Обобществление» колхозно-кооперативной собственности и сближение ее с государственной виделось ему закономерным процессом создания единой коммунистической формы собственности. Основные черты советского человека, сформированные «на базе идеологии рабочего класса», проявлялись «в признании целей и принципов коммунистической идеологии, первенства общественных интересов, когда общественный интерес — дело коммунизма — становится интересом личности; в осознании труда на благо общества как высшего смысла жизни, способа утверждения собственного достоинства, развития своих способностей; в принятии в качестве основных норм общения с другими людьми братства, коллективизма, интернационализма» [Там же: 247–248].

Идея совпадения интересов общества и личности была, пожалуй, главной несущей опорой данной конструкции: «Для советских людей первенство общественных интересов — безусловный закон, своего рода моральный императив» [Смирнов 1968: 3]. Логика этого императива была достаточно проста: с образованием общенародной собственности возникает «восприятие общественного богатства как своего», а общественный интерес по сути совпадает с интересом каждого индивида. Социализм создает новые условия и стимулы экономической активности взамен частной инициативы: «Основным побудительным мотивом активности трудящихся является их заинтересованность в развитии общественного производства, поскольку в нем они видят общий источник роста народного благосостояния» [Смирнов 1980: 156].

«Активность масс», их интересы и мотивы были в центре внимания публицистики Смирнова перестроечной поры. В этот период он стремился соблюсти центристский курс, сочетая социалистический принцип «общности интересов» всех трудящихся с отказом от «командования и администрирования», развитием хозрасчета, кооперации и индивидуальной трудовой деятельности — набором идей, описывавшимся в те годы как возрождение ленинских принципов управления экономикой. Смирнов признавал падение заинтересованности в эффективном труде и отход от «ленинского завета» «ориентироваться на личную и коллективную материальную заинтере-

ресованность» [Смирнов 1987: 16]. Хозрасчет, преодоление бюрократического «механизма торможения» и передача прав предприятиям позволят наконец осуществить реальную экономическую заинтересованность коллективов и индивидов, их «чувство хозяина». Смирнов вскользь критиковал превращение колхозов в совхозы, третирование кооперативов и личных подсобных хозяйств (ЛПХ), однако протестовал против оценки коллективизации и культурной революции «со знаком минус». Он также был убежден, что «иные аналитики» (видимо, намекая на Т.И. Заславскую) «хватают через край», утверждая, что за последние полтора десятилетия «общество вообще переродилось, превратилось в некую немую массу, в которой господствующим типом стал человек равнодушный, ни в чем настоящему не заинтересованный» [Там же: 20]. В последней своей крупной работе он противопоставлял «ленинскую концепцию социализма» как демократичного общества «цивилизованных кооператоров», использующего все «экономические методы управления», созданной Сталиным «командно-административной системе», лишившей трудящихся инициативы и обречшей их на «пассивность и апатию» [Смирнов 1990: 42]. Делалось это уже в противовес «радикалам», отрицавшим ленинское видение социализма или делавшим его ответственным за все «искажения» этого строя.

На рубеже 1980–1990-х гг. Смирнову пришлось отстаивать свои убеждения в открытой полемике. Особенно ему запомнились беседы с радикально-либеральным журналистом «Литературной газеты» Олегом Морозом: «[Т]акого недоброжелательного отношения к марксизму, социализму, а заодно и ко мне лично встречать не приходилось» [Смирнов 1997: 254]. Мороз действительно выдвинул тезис о коренных ошибках марксизма и «придуманности» социалистической экономики. Он использовал аргумент о «неучете человеческой природы» и сведении ее марксизмом к совокупности общественных отношений. Между тем человек — «перво-наперво биологическое существо», общественно-государственная собственность и другие формы обобществления оказались чужды его природе. Для иллюстрации этого тезиса Мороз обратился к критике политики обобществления сельского хозяйства: ведь, несмотря на раздробленность крестьянского хозяйства, на «клочках земли трудился все-таки хозяин, а не тот, кому все до лампочки». В качестве «доминирующего типа человека» дореволюционной России Мороз называл крестьянина, хозяйство которого сложилось «естественным образом, на основании живых экономических законов» [Смирнов 1989]. Этим тезисам Смирнов пытался противопоставить уже не раз звучавшие в его работах аргументы: «утопических» представлений о природе

человека марксизм не содержит, «биологическая природа» человека отнюдь не делает его предрасположенным к частной собственности, а общественную собственность завоевывали и защищали с оружием в руках миллионы советских людей. Тем не менее ни на обозревателя Мороза, ни на многих читателей эти аргументы, очевидно, уже не действовали. Под влиянием «биологизаторских» трактовок «человека экономического» созданный Смирновым образ советского человека становился все менее убедительным.

Книга Смирнова «Советский человек» была наиболее авторитетным высказыванием позднесоветского философа-идеолога в данной области. Смирнов не использовал аргумент консерваторов о труде как «первой потребности» советского человека, опираясь на идею совпадения при социализме личного и общественного интереса. Будучи осторожным сторонником «товарников» с 1950-х гг., он поддерживал и развивал идеи хозрасчета и стимулирования экономической активности населения ранней перестройки, однако идеал социалистической гармонии интересов человека и общества был к этому моменту подорван более ярким образом рыночного регулирования этих отношений.

Экономисты-аграрники и неолиберальная субъективность

Образ крестьянина — хорошего «хозяина» и работника — был одним из центральных для реформаторов [Кирчик 2006]. Аграрии-«рыночники» стали одной из главных общественных сил, способствовавших становлению неолиберальной модели субъективности, связанной не только с рыночной мотивацией, но и с потреблением. К примеру, яркий публицист и аграрный экономист-рыночник сотрудник ИЭМСС Г.С. Лисичкин отстаивал тезис о том, что социализм перерос стадию, на которой доходы общества были ограниченными, а потребности минимальными. В настоящее время, считал он, «в определенном смысле можно сказать, что свобода личности начинается со свободы потребления» [Стреляный, Лисичкин 1989: 336]. Справедливое распределение по труду, по мнению Лисичкина, может обеспечить только ситуация, при которой ценность труда будет измерена спросом на производимый им «товар», т.е. вкусами и нуждами потребителей, — идея, впоследствии породившая формулу о необходимости замены «диктатуры производителя» «диктатурой потребителя». Лисичкин также резко критиковал тезис консерваторов о том, что труд стал потребностью советского человека. Творческое отношение к труду, чувство хозяина и прочие социальные качества, по его мнению, могли быть развиты только на предприятии, сочетающем мате-

риальное стимулирование и участие работника в управлении производством. Развивать социальные процессы и формировать всесторонне развитую личность «автономно от экономики» невозможно [Стреляный, Лисичкин 1989: 332–333].

Ко времени перестройки в публицистике Лисичкина все более заметен образ временщика, разгильдяя «перекати-поле», безразличного не только к работе в колхозе, но и к собственному хозяйству и дому. Публицист защищал «вещизм» от сторонников аскетизма, а заинтересованных работников всех родов от бездельников и лодырей. Вслед за писателем Федором Абрамовым он характеризовал «социальное противостояние» в деревне как расслоение «по линии труда — ловкач — бездельник», а перестройку как стремление работников «квалифицированного труда» восстановить социальную справедливость, используя «закон стоимости, рынок, социалистические товарно-денежные отношения, хозрасчет» [Лисичкин 1989: 37, 132–134]. Аграрно-рыночная тематика занимала центральное место и в статье сотрудника ИЭМСС Н.П. Шмелева «Авансы и долги», революционизировавшей в 1987 г. экономическое мышление читающей публики.

Пожалуй, в решающей степени способствовала этим изменениям в экономическом мышлении академик Т.И. Заславская (1927–2013). Она была близка к кругу аграрников-«рыночников», сформировавшемуся вокруг экономиста В.Г. Венжера. В 1960-е — первой половине 1980-х гг. Заславская стала наиболее авторитетным специалистом по социально-экономическому развитию советской деревни. Согласно ее мемуарам, уже в начале 1960-х гг., работая в Институте экономики АН, она «пришла к окончательному выводу, что сложившийся в нашем обществе социальный строй не имеет отношения к социализму». Советский строй будущий академик определяла как государственно-монополистический капитализм, в котором эксплуататорским классом выступала советская и партийная олигархия, а наиболее эксплуатируемым — крестьянство [Заславская 2007: 461–467]. Познакомившись с Горбачевым, который в 1980 г. был назначен секретарем ЦК по сельскому хозяйству, Заславская увидела в нем единомышленника экономистов-реформаторов, внимательно отнесшегося к ее призыву «повернуться лицом к сельскому сектору».

В 1982 г. коллектив новосибирских экономистов и социологов под руководством Заславской стал работать над темой «Социальный механизм развития экономики (на примере АПК)». Их центральная идея заключалась в том, что кризис в советской экономике был обусловлен в первую очередь социальными причинами: «Устаревшие общественные отношения <...>

не стимулировали эффективную экономическую деятельность» [Заславская 2007: 523]. Одним из результатов этого проекта стал знаменитый «Новосибирский манифест», а точнее доклад «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», прочитанный Заславской в 1983 г. на конференции в Новосибирске и получивший затем широкую огласку на Западе. В нем утверждалось, что «тип работника», продуцируемый бюрократической централизованной системой, не соответствует требованиям «повышения уровня личностного развития работников», предъявляемым современной технологией к «повышению роли субъективных факторов в развитии экономики» [Заславская 1983]. Призывая активнее формировать нужный тип работника с помощью экономических методов, Заславская указывала на низкое качество «многих работников, личностное становление которых происходило в последние пятилетки», а именно: на их низкую трудовую дисциплину, безразличное отношение к выполняемому труду, социальную инертность, низкую ценность труда как средства самореализации и т.д.

В первой половине 1980-х гг. благодаря командировкам и связям с местными учеными Заславская имела возможность познакомиться с опытом венгерских экономических реформ. Кроме того, под ее руководством проводился эксперимент по внедрению полного хозрасчета в отдельных колхозах Алтайского края (в этой работе также участвовали П.О. Авен и В.М. Широнин из «лаборатории Е. Гайдара» Института системных исследований (ВНИИСИ)) [Заславская 2007: 544]. С приходом Горбачева к власти Заславская активно включилась в «идейное и научное обеспечение» перестройки, а ее аудитория резко расширилась за счет регулярных публикаций в центральных газетах. Лейтмотивом ее статей был анализ социальной структуры советского общества и деление его на сторонников и противников перестройки. К первым она причисляла «наиболее активную, творческую, самостоятельную и квалифицированную» часть рабочих, крестьян, служащих и интеллигенции, которые должны выиграть от осуществления экономической реформы. Противниками были коррумпированные аппаратчики, мафия, а также инертная, неквалифицированная и необоснованно привилегированная часть трудящихся [Заславская 1988]. Открытое обсуждение «противоречий» социализма и несовпадения интересов различных социальных групп было проявлением реформаторского радикализма Заславской, столкнувшейся с противодействием Смирнова. Участвуя в подготовке доклада Горбачева на XXVII съезде, она пыталась продвинуть свою «максималисти-

ческую» точку зрения на роль «человеческого фактора» в социально-экономическом разделе доклада. Смирнов убрал все новаторские идеи, заменив их традиционным тезисом о «становлении социальной однородности» советского общества. Тем не менее, согласно воспоминаниям Заславской, Горбачев и А.Н. Яковлев явно симпатизировали ей в этом противостоянии [Заславская 2007: 552–556].

Как было сказано, возможности реформаторов пропагандировать свои идеи с приходом Горбачева резко расширились. Главным редактором «Коммуниста» вместо Косолапова был назначен сторонник «гуманистического социализма» и энтузиаст междисциплинарного изучения «человека», впоследствии директор Институт человека, философ И.Т. Фролов. Приоритеты Фролова нашли отражение в специальном постановлении ЦК о журнале «Коммунист» от 16 августа 1986 г. Среди важнейших проблем, которые будет освещать журнал, в нем указывалось «возрастание роли человеческого фактора в поступательном развитии общества», упоминалась и важность «социологических исследований <...> вопросов, касающихся согласования общественных, коллективных и личных интересов, потребностей и стимулов человеческой деятельности» [КПСС о перестройке 1988: 151–152]. Фролов вскоре пригласил заведовать экономическим отделом сотрудника ИЭМСС Отто Лациса, который, в свою очередь, пригласил в журнал Егора Гайдара. Еще ранее Фролов опубликовал статью Заславской «Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость», которая, по словам Лациса, продемонстрировала читателю, «что это был уже другой “Коммунист”» [Лацис 2001: 185]. В этой программной статье экономист предлагала целый комплекс реформ, направленных на «умелое использование интересов работников» и «пробуждение их общественной активности». Суть этих реформ сводилась к необходимости «коренной перестройки» системы заработной платы для более справедливого распределения по труду в пользу «инициативных и предприимчивых». Средства для такого стимулирования предлагалось изыскать за счет реформы цен (в частности, повышение цен на мясо и молоко до их реальной себестоимости) и отмены привилегий элиты в распределении товаров. Кроме того, предлагался перевод предоставления «таких благ, как жилье, услуги образования, медицины», на платную основу при гарантировании всем некоего «социально необходимого минимума» [Заславская 1986]. Таким образом, Заславская открыто призвала к урезанию «общественных фондов», с расширением потребления через которые связывалась перспектива коммунизма, увязав их с нетрудовыми привилегиями и несправедливым распределением. Напротив, «рубль»

представлялся ей единственным адекватным механизмом справедливого «распределения по труду».

Идея поиска «новых сфер приложения денег» за счет монетизации услуг и дифференциации доходов существовала у экономистов-реформаторов и до перестройки [Попов 1980]. Очевидно, вопрос общественных фондов и их роли в экономическом стимулировании населения активно обсуждался в кругу учеников С.С. Шаталина во ВНИИСИ. Еще в 1982 г. Шаталин критиковал теорию, рассматривающую общественные фонды потребления как «прообраз коммунистического распределения», говорил о необходимости усиления «целевого характера в распределении» из этих фондов и более активного вовлечения жилья и услуг здравоохранения в экономическую сферу за пределом «социально-гарантированного минимума» [Шаталин 1982: 324–338]. К концу 1990 г. критика «бремени кольчуги» социальной защиты, якобы лишаящей человека стимулов к прогрессу [Улюкаев 1990: 11], и призывы не путать «социализм с собесом» [Вишневский 1990: 24] доминировали в обсуждении молодыми экспертами журнала «Коммунист» социальной проблематики.

Статья принесла Заславской «настоящую славу не только на Западе, но и в России», а также вызвала поток писем в редакцию «Коммуниста», анализ которых позволяет увидеть неоднозначную реакцию на ее идеи в обществе. Многие авторы, среди которых были и доктора наук, и рядовые граждане, соглашались с Заславской в критической части (неравномерность распределения товаров и услуг, наличие различных «кормушек», семейственности, моральное разложение части общества и т.д.), однако расходились с ней в оценках причин падения активности «человеческого фактора» и способов его «активизации». Некоторые экономисты оспаривали фактические данные академика, указывая на то, что «устойчиво наблюдается отсутствие связи между производительностью труда и заработной платой» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1019. Л. 58]. Политэкономист из Новосибирска сомневался в данных, согласно которым «в полную силу трудится едва ли третья часть всех работников», ссылаясь на неопределенность понятия «полной силы» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1017. Л. 144–145]. Наиболее резкой была критика, обвинявшая академика в забвении идеалов социализма: «Выходит, что в нашем социалистическом обществе уровень медицинского обслуживания должен быть сверхнормальным для одних и просто нормальным для других. Здесь не что иное, как деление на богатых и бедных. Зачем тогда мы по всем средствам массовой информации критикуем систему капитализма?» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1020. Л. 46 об.].

Многие видели в идеях Заславской плохо замаскированную идеологию интеллигенции и квалифицированных специалистов: «Разрешение же проблемы активизации человеческого фактора путем обеспечения социальной справедливости, поставленной в статье Т. Заславской, не ведет к сближению уровней доходов и к установлению единого социалистического образа жизни. У нее явно прослеживается мелкобуржуазная линия на защиту интересов категории высокооплачиваемой части социалистического общества, тоска по официальным привилегиям буржуазных спецов первых пятилеток, желание закрепить разделение социалистического общества на бедных и богатых» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1018. Л. 4]. Способы достижения социальной справедливости по Заславской вызывали недоумение: авторы писем не соглашались с ее представлением о ценностях и мотивациях советского человека. «Материальный стимул», видевшийся ей основным рецептом, некоторым представлялся скорее проблемой. К примеру, ветеран партии и войны М.П. Бундин писал: «Заканчивая статью, хочется буквально крикнуть: неужели не видно, как личная материальная заинтересованность, возводимая в первейшую необходимость и средство стимулирования работ, беспощадно пожирала справедливость, идейность и сознательность многочисленных кадров, разлагая людей и целые коллективы?» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1017. Л. 85]. Авторы писем указывали на многочисленные опасности «усиления корыстных интересов»: «[Р]ост подозрительности, недовольства и даже озлобленности определенной части сотрудников и как следствие — ухудшение морально-психологического климата коллектива, его “расслоение” и ослабление коллективистских связей» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1017. Л. 58]. Е.И. Мухин считал, что «воровство, туеядство, иждивенчество, бюрократизм, мещанство <...> и главное пассивность в людях» вызываются именно большой разницей в доходах групп населения, которую предложения Заславской только усиливали [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1019. Л. 116]. Наконец, ряд авторов апеллировали к идейности, ответственности, равнодушию к общему делу, другим моральным и идейным стимулам, которые, по их мнению, в первую очередь определяют — или должны определять — поведение советского человека.

Поддержавшие Заславскую авторы писем, напротив, принимали монетизацию в качестве реализации принципа «каждому по труду» и выдвигали свои предложения по применению экономической рациональности в социальной сфере. К примеру, преподаватели медицинского института предлагали «внести корректив в бесплатную медицинскую помощь в зависимости от отношения к своему здоровью, в зависимости от поведения

людей». Они указывали на то, что несправедливо лечить алкоголиков на той же бесплатной основе, что и людей, ведущих здоровый образ жизни и рассматривающих свое здоровье «с позиций его экономической ценности для государства, как богатство» [РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1017. Л. 13]. Доводы Заславской также поддержал С.С. Шаталин [Шаталин 1986]. Позднее совместно с Гайдаром он писал о «необходимости критического анализа всей действующей системы социальных гарантий» и указывал на целесообразность повышения розничных цен и на феномен «перераспределения доходов в пользу наиболее обеспеченных категорий населения» в результате низких розничных цен и государственного обеспечения жильем и другими благами из общественных фондов [Шаталин, Гайдар 1989: 95–102].

Сотрудничество Шаталина с Ю.А. Левадой началось, очевидно, в начале 1970-х гг., когда он помог опальному социологу устроиться в Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ РАН) [Батыгин 1999: 88]. В 1990 г. под редакцией Шаталина, Левады и др. вышло исследование «Социальные ресурсы и социальная политика», осуществленное Научным советом по комплексной проблеме социального и культурного развития АН СССР. В исследовании рассматривалась проблема «мотивационного механизма трудовой активности» и «включения механизмов социалистического рынка» на примере жилищного комплекса и социально-культурного обслуживания [Шаталин и др. 1990: 4–5]. Ее авторы критиковали всю традицию противопоставления «романтических» и экономических мотивов труда и идеологию «сохозяйской мотивации» советского человека (под последней понималась трудовая мотивация индивида — «сохозяина» общественной собственности средств производства, интересы которого, согласно официальной идеологии, совпадают с интересами общества). Они считали неэффективными как экономические стимулы «распределения по труду», так и социальные гарантии общественных фондов. В целях развития этой мотивации, удовлетворения растущих потребностей и «развития способностей индивида» авторы предлагали «включить в механизм реализации социальных гарантий строгую адресность и создать альтернативный рыночный вариант распределения тех же благ и услуг» [Там же: 15–16, 27].

В 1987 г. Заславская возглавила первый в СССР центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) при Госкомтруде и Центральном Совете профсоюзов ВЦСПС. Ощущая поддержку перестройки как своего рода миссию, она воспринимала задачи изучения и формирования общественного мнения как тесно связанные: «А изучение и формирование общественного мнения — одна из важнейших задач перестройки и в то же

время ее предпосылок. Я готова бороться здесь до конца» [Заславская 2007: 586]. Заместителем Заславской во ВЦИОМ стал социолог Б.А. Грушин, пригласивший к сотрудничеству «группу» Ю.А. Левады, которому через несколько лет она уступила руководство этой организацией. В 1989 г. был проведен первый опрос по программе «Советский человек», разработанной Левадой. В 1993 г. под его редакцией вышла монография «Советский простой человек», которая вскоре, по мнению Заславской, приобрела статус «классической» [Там же: 652]. «Проблема человека» занимала Леваду задолго до начала работы во ВЦИОМе. Она обсуждалась уже в его «Лекциях по социологии». В 1977 г. Левада написал небольшой текст «Номо Экономический, или Судьба одного призрака», в котором противопоставлял модели «традиционного» и рационального / экономического человека, главными характеристиками деятельности которого он называл «рациональность, инструментальность, эффективность» [Левада 2016: 299]. Наконец, в 1983 г. в сборнике трудов ВНИИСИ он опубликовал статью «Проблемы экономической антропологии у К. Маркса». В ней он ставил вопрос об изучении «антропологических моделей» и также подробно обсуждал основную модель экономической антропологии — Номо экономический. Социолог перечислял его главные черты: рациональность («[б]ыть рациональным означает буквально превратиться в исследователя по отношению к своему собственному действию»), целенаправленность («преобладание инструментального (или технологического) отношения к реальности»), эффективность («[п]ри этом существует тенденция подчинять оптимизирующему расчету все сферы человеческой деятельности, расширив беспредельную область действия денежных оценок или найдя какие-то эквиваленты для них») и индивидуализм [Левада 1983: 87–88]. Гайдар ссылаясь на эту работу в начале своей первой монографии [Гайдар 1990: 7–8].

В одном из интервью социолог А.Г. Здравомыслов высказал мнение, что Левада «переименовал» «советского человека» Смирнова [Здравомыслов 2008: 16]. Левада и его коллеги, конечно, не ссылались на бывшего директора ИМЛ, представляя свое исследование исключительно как интерпретацию социологических опросов. Тем не менее они также утверждали реальное существование «человеческого образца» или «идеального типа» Номо советический, установки и особенности поведения которого доминировали в обществе в целом. Как и Смирнов, они описывали характеристики этого «типа», сложившегося «к 30–40-м годам», которые, пожалуй, можно считать «негативом» образа, созданного Смирновым. Основными среди этих характеристик были: патернализм и инфантилизм, иерархичность,

эгалитаризм (отвергающий всякое неравенство, не соответствующее государственной иерархии, в том числе доходы от собственности и «плоды всякого неординарного труда и таланта»), имперский синдром. «Простота», составлявшая, согласно Леваде, «сердцевину облика советского человека», означала стремление быть как все, «агрессивную зависть по отношению к обладателям таланта, власти и потребительских благ», примитивность запросов и управляемость. Этот «тип» сформировался в результате элиминации социальной элиты, раскрестья-нивания, превращения интеллигенции в «чиновников» и создания «нового типа казарменно-индустриального города». Авторы не вдавались в характеристики отдельных слоев и классов, представляя советское общество достаточно гомогенной массой «простого народа», над которой возвышается «властвующая элита». В то же время моделью отношений «человека советского типа» с обществом признавался «колхоз», где земля и работа делились на «две принципиально различные неравные части: “общее” (чужое, казенное) и “свое”». Так как колхозник жил в основном плодами второго, то отношения с колхозом, и шире — с государством, строились, по их мнению, как «дань» или «игра»: такие «игры», как работа, забота (со стороны государства), согласие и единодушные были пронизаны двоемыслием [Левада 1993: 10–31].

«Ключом» к характеристике советского человека Левада и соавторы считали его предпочтение «гарантированной бедности», а не возможности «много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее» [Левада 1993: 45]. Массовую зависть к чужому успеху, представление об «индивидуальном экономическом успехе» как несправедном они считали результатом политики «сдерживания доходов» за счет наиболее квалифицированных работников, что привело к «ослаблению трудовой мотивации и социальному застою в целом» [Там же: 57]. Таким образом, именно «антидостижительные стереотипы», отсутствие инициативы, самостоятельности и «лидерского потенциала» считались Левадой и его соавторами основными чертами советского человека. В 1993 г. они высказывали сдержанный оптимизм относительно развития «достижительных» установок среди молодежи.

В 2001 г. Левада признавал неоправданность многих надежд на преобразование «советского человека» в нужном направлении, однако верил, что люди «новой формации» будут «более прагматичными, индивидуалистичными, ориентированными на благосостояние “западного” типа, более свободными от социальной мифологии эгалитаризма» [Левада 2011: 333–338]. Таким образом, проблема немотивированности работников советских предприятий, о которой писала Заславская, превратилась в ра-

ботах Левады в социокультурную теорию, где немотивированность стала чертой, определяющей облик советского «простого» человека в целом. «Достижительные» же мотивации были полностью вынесены за рамки «советского» как с ним несовместимые и отнесены к сфере «западных ценностей».

Заключение

Как мы видели, социальная мысль позднего социализма предоставляла определенные возможности для выражения разных точек зрения на развитие советского общества и человека. Приверженец ортодоксального марксизма Косолапов предпочитал индустриально-коллективистскую парадигму, настаивая на «ведущей роли» рабочего класса и характерных для него черт в облике советских людей. Он также видел сущность человека в труде как творчестве и критиковал склонность оппонентов к «оправданию» стремления к потреблению. Реформаторы зачастую имели «прокрестьянские» симпатии, причем образ крестьянина ассоциировался в их мышлении со всем комплексом «рыночных» идей, репрессированных советским режимом наряду с «настоящим» крестьянством. Одним из важнейших компонентов этого комплекса было представление о «естественности» и даже биологической предопределенности Homo economicus. Возвращение общества к норме виделось через преодоление командно-административной системы, связывавшей естественную экономическую активность людей. Эти представления вполне согласуются с нелиберальными идеями. Фуко предлагал видеть отличительную особенность подхода Чикагской школы в «последовательном расширении экономической модели в приложении к социальной сфере, снимающим любое различие между экономикой и социальным» [Lemke 2001: 187]. В советском контексте это «расширение» принимало форму призыва реформаторов к свертыванию распределения через общественные фонды, в то время как ортодоксы отстаивали их увеличение как неотъемлемую часть программы построения коммунизма.

Замедление темпов роста и кризис советской экономики, по всей видимости, делали доводы реформаторов все более вескими. Заславская выдвинула наиболее законченную программу «активизации человеческого фактора» при помощи рыночно-экономических механизмов. Она же предложила убедительное для команды Горбачева объяснение кризиса «социальным механизмом», т.е. недостаточной мотивированностью работников и сопротивлением бюрократии. Важную роль в постсоветских публикациях Заславской играет представление о «социальной группе предпринимателей», что свидетельствует о надеждах,

возлагавшихся реформаторами на этот «идеальный тип» [Качанов 1998]. Негативный образ Homo soveticus получил окончательное оформление в работах Левады, который дополнил характеристики Заславской, создав на этой почве социокультурную теорию, пользующуюся популярностью и в наши дни. В дальнейшем Гайдар ссылаясь на критику бюрократии Заславской, однако считал ее недостаточной и распространил ее на «иерархические структуры» плановой советской экономики в целом. В то же время (в свете прокрестьянских симпатий многих рыночников в этом есть печальная ирония) именно неэффективное и поглощающее огромные инвестиции сельское хозяйство стало для него символом «собесовского» социализма, «в котором слабые стимулы к труду являются следствием избытка социальных гарантий» [Гайдар 1990: 4–5, 93].

Тенденцию развития позднесоветской социальной мысли можно представить двумя параллельными процессами. С одной стороны, парадоксальная ассоциация «творчества» с козлаповской линией на ультраплановый индустриализм представлялась, по-видимому, все менее адекватной, что предопределило ее поражение. С другой — переопределение человеческой природы с «творчества» на заработок-потребление, а также почвенно-крестьянская драпировка этих идей позволили встроить «гуманизм» в совершенно иной семантический ряд, придав ему «рыночное» звучание. Эти процессы дают возможность лучше понять, каким образом гуманистические устремления позднесоветских идеологов закончились «шоковой терапией» 1990-х гг., равно как и то, почему неolibеральные реформы были восприняты значительной частью интеллигенции как не имеющие реалистических альтернатив.

Благодарности

Автор благодарит Александру Оберлэндер и анонимного рецензента «Антропологического форума» за ценные комментарии.

Сокращения

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Архивные материалы

РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1017. Отклики читателей на статью Т.А. Заславской в журнале Коммунист (А–Г). 1986 г.

РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1018. Отклики читателей на статью Т.А. Заславской в журнале Коммунист (Д–К). 1986 г.

РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1019. Отклики читателей на статью Т.А. Заславской в журнале Коммунист (Л–П). 1986 г.

РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1020. Отклики читателей на статью Т.А. Заславской в журнале Коммунист (Р–Ю). 1986 г.

Библиография

- Батыгин Г.С.* (ред.). Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. 684 с.
- Бибков А.Т.* Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: ИД ВШЭ, 2014. 429 с.
- Богомолов О.Т.* Раздумья о насущном и былом. М.: Ин-т экономических стратегий, 2007. 421 с.
- Бутенко А.П.* Социализм как общественный строй. М.: Политиздат, 1974. 287 с.
- Бутенко А.П.* Современный социализм: вопросы теории. М.: Политиздат, 1989. 302 с.
- Бутенко А.П.* Наука, политика и власть: воспоминания и раздумья. М.: Социально-гуманитарные знания, 2000а. 378 с.
- Бутенко А.П.* Неравномерность развития и историческое забегание. М.: ИМЭПИ, 2000б. 361 с.
- Вишневецкий А.* Социальная защита или государственное благодеяние? // Коммунист. 1990. № 14. С. 14–24.
- Гайдар Е.Т.* Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Заславская Т.И.* О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии [1983] // UNLV: Center for Democratic Culture. <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/zaslavskaya_manifest.html>.
- Заславская Т.И.* Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 61–73.
- Заславская Т.И.* О стратегии социального управления перестройкой // Афанасьев Ю.Н. (ред.). Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 9–50.
- Заславская Т.И.* Избранные произведения: В 3 т. М.: Экономика, 2007. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. 763 с.
- Здравомыслов А.Г.* «Меня никогда не интересовало коллективное производство идей» [интервью] // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 8–19. <https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf>.
- Качанов Ю.Л.* «Экономическая социология» в контексте политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4. С. 40–52. <http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/1998_4/Kachanov_1998_4.pdf>.
- Кирич О.И.* Аграрный вопрос в России в конце XX века: конструирование образа хозяина в публичном дискурсе // Горшков М.К. (ред.). Социологические этюды. М.: Вариант, 2006. С. 183–202.
- Кокашинский В.К., Ципко А.С., Клямкин И.М.* Проповедь действием. М.: Молодая гвардия, 1968. 208 с.

- Косолапов Р.И.* Ни тени утопии. Социализм: вопросы теории. М.: Молодая гвардия, 1971. 143 с.
- Косолапов Р.И.* Социализм: к вопросам теории. М.: Мысль, 1975. 476 с.
- Косолапов Р.И.* Диалектика нашей жизни // Октябрь. 1984. № 5. С. 167–175.
- Косолапов Р.И.* О самом главном: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1985. 368 с.
- Косолапов Р.И.* Об одной записке, которой не дали хода // Диалог. 1995. № 3. С. 84–85.
- Косолапов Р.И.* Иудино семя (Лики Смутного времени). М.: Би., 1996. 52 с.
- КПСС о перестройке: Сб. документов. М.: Политиздат, 1988. 479 с.
- Лаваль К.* Человек экономический: эссе о происхождении неолиберализма / Пер. с фр. С. Рындина. М.: НЛО, 2010. 429 с.
- Лацис О.Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М.: Моск. школа полит. исслед., 2001. 485 с.
- Левада Ю.А.* Проблемы экономической антропологии у К. Маркса // Экономика и общество. М.: ВНИИСИ, 1983. Вып. 8. С. 86–97.
- Левада Ю.А.* (ред.). Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
- Левада Ю.А.* Сочинения: Проблема человека. М.: Изд. Карпов Е.В., 2011. 526 с.
- Левада Ю.А.* Время перемен: предмет и позиция исследователя. М.: НЛО, 2016. 870 с.
- Липсиц И.В.* Молодость успеху не помеха // ЭКО. 1982. № 6. С. 177–186.
- Лисичкин Г.С.* Люди и вещи. М.: Современник, 1989. 222 с.
- Митрохин Н.* Вакс-оффис Михаила Сулова, или Кем и как производилась идеология брежневского времени // Cahiers du monde russe. 2013. Vol. 54. No. 3–4. P. 409–440.
- Попов Г.* О рубле заработанном // Правда. 1980, 24 мая. № 145.
- Рывкина Р.В.* Драма перемен. М.: Дело, 2001. 471 с.
- Смирнов Г.* Социалистический гуманизм // Правда. 1968, 16 дек. № 351.
- Смирнов Г.Л.* Советский человек: формирование социалистического типа личности. 3-е изд. М.: Политиздат, 1980. 463 с.
- Смирнов Г.Л.* Революционная суть перестройки: социально-философский очерк. М.: Политиздат, 1987. 223 с.
- Смирнов Г.Л.* Устарел ли марксизм? // Литературная газета. 1989, 8 нояб. № 48.
- Смирнов Г.Л.* К вопросу о ленинской концепции социализма // Смирнов Г.Л. (ред.). Ленинская концепция социализма: Сб. ст. М.: Политиздат, 1990. С. 5–52.
- Смирнов Г.Л.* Уроки минувшего. М.: РОССПЭН, 1997. 303 с.
- Стреляный А.И.* В гостях у матери. *Лисичкин Г.С.* Что человеку надо? М.: Правда, 1989. 478 с.
- Улюкаев А.* Свобода как непосредственная производительная сила // Коммунист. 1990. № 14. С. 5–13.

- Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. 511 с.
- Ципко А.С.* Оптимизм истории. М.: Молодая гвардия, 1974. 191 с.
- Ципко А.С.* Социализм: жизнь общества и человека. М.: Молодая гвардия, 1980. 287 с.
- Ципко А.С.* Некоторые философские аспекты теории социализма. М.: Наука, 1983. 216 с.
- Ципко А.С.* Возрастание роли человеческого фактора в экономическом развитии социализма // Рабочий класс и современный мир. 1985. № 3. С. 21–33.
- Ципко А.С.* Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 40–47.
- Ципко А.С.* Человек не может изменить своей природе // Политическое образование. 1989. № 4. С. 68–78.
- Ципко А.С.* Исповедь одессита-антисоветчика. М.: Navona, 2011. 319 с.
- Шаталин С.С.* Функционирование экономики развитого социализма: теория, методы и проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1982. 384 с.
- Шаталин С.С.* Социальное развитие и экономический рост // Коммунист. 1986. № 14. С. 59–70.
- Шаталин С.С., Гайдар Е.Т.* Экономическая реформа: причины, направления, проблемы. М.: Экономика, 1989. 108 с.
- Шаталин С.С., Левада Ю.А., Устюжанина Е.В.* и др. Социальные ресурсы и социальная политика. М.: Наука, 1990. 271 с.
- Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 661 с.
- Bockman J.* Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011. 352 p.
- Brown W.* Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. N.Y.: Zone Books, 2015. 296 p.
- Bruisch K.* The Soviet Village Revisited: Household Farming and the Changing Image of Socialism in the Late Soviet Period // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57. No. 1. P. 81–100.
- Ganti T.* Neoliberalism // Annual Review of Anthropology. 2014. Vol. 43. P. 89–104.
- Gershon I.* “Neoliberal Agency” // Current Anthropology. 2011. Vol. 52. No. 4. P. 537–555.
- Harvey D.* A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005. 256 p.
- Honey L.* Self-Help Groups in Post-Soviet Moscow: Neoliberal Discourses of the Self and Their Social Critique // Laboratorium. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 5–29.
- Humphrey C.* The “Creative Bureaucrat”: Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse // Inner Asia. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 5–35.
- Lemke T.* “The Birth of Biopolitics”: Michel Foucault's Lecture at the Collège de France on Neo-Liberal Governmentality // Economy and Society. 2001. Vol. 30. No. 2. P. 190–207.

- Matza T.* Moscow's Echo: Technologies of the Self, Publics, and Politics on the Russian Talk Show // *Cultural Anthropology*. 2009. Vol. 24. No. 3. P. 489–522.
- Matza T.* “Good Individualism”? Psychology, Ethics, and Neoliberalism in Postsocialist Russia // *American Ethnologist*. 2012. Vol. 39. No. 4. P. 804–818.
- Mirowski P., Plehwe D.* (eds.). *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2009. 480 p.
- Peck J.* Remaking Laissez-Faire // *Progress in Human Geography*. 2008. Vol. 32. No. 1. P. 3–43.
- Pinsky A.* The Origins of Post-Stalin Individuality: Aleksandr Tvardovskii and the Evolution of 1930s Soviet Romanticism // *The Russian Review*. 2017. Vol. 76. No. 3. P. 458–483.
- Sandle M.* A Triumph of Ideological Hairdressing? Intellectual Life in the Brezhnev Era Reconsidered // Bacon E., Sandle M. (eds.). *Brezhnev Reconsidered*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2002a. P. 135–164.
- Sandle M.* Brezhnev and Developed Socialism: The Ideology of Zastoi? // Bacon E., Sandle M. (eds.). *Brezhnev Reconsidered*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2002b. P. 165–187.
- Springer S., Birch K., MacLeavy J.* *The Handbook of Neoliberalism*. N.Y.; L.: Routledge, 2016. 638 p.
- Yurchak A.* Russian Neoliberal: The Entrepreneurial Ethic and the Spirit of “True Careerism” // *The Russian Review*. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 72–90.

“Activating the Human Factor”: The Late-Soviet Roots of Neoliberal Subjectivity?

Sergei Alymov

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
alymovs@mail.ru

The article considers concepts of personality and the Soviet Man held by Soviet philosophers and economists. The author analyzes the ideas about “developed socialism” of philosophers of liberal and orthodox Marxist convictions. The reformers (A. P. Butenko, A. S. Tsipko) foregrounded the importance of the individual and the humanization of society, interpreted as a development of personality and consumption. Orthodox Marxists (R. I. Kosolapov) relied on Marx’s ideas about labour as the essence of humanity. An idealized industrial worker was for them a model Soviet Man (G. L. Smirnov). The key motive of his activity was the idea of the unity of interests

of the individual and society. This idea came under attack for not taking into account “human nature”. Reformers tended to argue that “egoistical interests” were biologically determined. They referred to the character of a well-off peasant to symbolize this idea. The “activation of the human factor” became a motto for the reformers’ agenda. T. I. Zaslavskaya developed a program of recovering the Soviet economy and work ethic through market reforms. Yu. A. Levada offered a negative interpretation of Homo Sovieticus and a positive alternative of a pragmatic individualist. The author concludes that liberal experts gestated Homo Economicus as a positive role model already in the early 1980s, so the early stages of the genesis of Russian neoliberal subjectivity go back to the pre-Perestroika period.

Keywords: ideology, Soviet philosophy, personality, subjectivity, Soviet man, Soviet economists, neoliberalism.

Acknowledgments

The author is grateful to Alexandra Oberländer and an anonymous reviewer of the journal *Forum for Anthropology and Culture* for valuable comments.

References

- Batygin G. S. (ed.), *Rossiyskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian Sociology of the 1960s in Memoirs and Documents]. St Petersburg: Russian Christian Humanities Institute Press, 1999, 684 pp. (In Russian).
- Bikbov A., *Grammatika poryadka* [Grammar of Order]. Moscow: Higher School of Economics Press, 2014, 429 pp. (In Russian).
- Bockman J., *Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011, 352 pp.
- Bogomolov O. T., *Razdumya o nasushchnom i bylom* [Thoughts on the Vital and the Past]. Moscow: Institute for Economic Strategies Press, 2007, 421 pp. (In Russian).
- Brown W., *Undoing the Demos: Neoliberalism’s Stealth Revolution*. New York: Zone Books, 2015, 296 pp.
- Bruisch K., ‘The Soviet Village Revisited: Household Farming and the Changing Image of Socialism in the Late Soviet Period’, *Cahiers du Monde Russe*, 2016, vol. 57, no. 1, pp. 81–100.
- Butenko A. P., *Sotsializm kak obshchestvennyy stroy* [Socialism as a Social System]. Moscow: Politizdat, 1974, 287 pp. (In Russian).
- Butenko A. P., *Sovremennyy sotsializm: voprosy teorii* [Modern Socialism: Questions of Theory]. Moscow: Politizdat, 1989, 302 pp. (In Russian).
- Butenko A. P., *Nauka, politika i vlast: vospominaniya i razdumya* [Science, Politics, and Power: Memories and Reflections]. Moscow: Sotsialno-gumanitarnye znaniya, 2000, 378 pp. (In Russian).

- Butenko A. P., *Neravnomernost razvitiya i istoricheskoe zabeganie* [Uneven Development and Historical Overtake]. Moscow: Institute for International Economic and Political Studies Press, 2000, 361 pp. (In Russian).
- Ganti T., 'Neoliberalism', *Annual Review of Anthropology*, 2014, vol. 43, pp. 89–104.
- Gaydar E. T., *Ekonomicheskie reformy i ierarkhicheskie struktury* [Economic Reforms and Hierarchical Structures]. Moscow: Nauka, 1990, 216 pp. (In Russian).
- Gershon I., "Neoliberal Agency", *Current Anthropology*, 2011, vol. 52, no. 4, pp. 537–555.
- Harvey D., *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2005, 256 pp.
- Honey L., 'Self-Help Groups in Post-Soviet Moscow: Neoliberal Discourses of the Self and Their Social Critique', *Laboratorium*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 5–29.
- Humphrey C., 'The "Creative Bureaucrat": Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse', *Inner Asia*, 2008, vol. 10, no. 1, pp. 5–35.
- Kachanov Yu. L., "Ekonomicheskaya sotsiologiya" v kontekste politiki' ["Economic Sociology" in Political Context], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 1998, vol. 1, no. 4, pp. 40–52. <http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/1998_4/Kachanov_1998_4.pdf>. (In Russian).
- Kharkhordin O., *Oblichat i litsemerit: genealogiya rossiyskoy lichnosti* [Unmask and Dissemble: The Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg; Moscow: European University at St Petesburg Press; Letniy sad, 2002, 511 pp. (In Russian).
- Kirchik O. I., 'Agrarniy vopros v Rossii v kontse XX veka: konstruirovaniye obraza khozyaina v publichnom diskurse' [The Agrarian Question in the Late 20th Century Russia: Constructing the Image of the Proprietor in Public Discourse], Gorshkov M. K. (ed.), *Sotsiologicheskie etyudy* [Sociological Essays]. Moscow: Variant, 2006, pp. 183–202. (In Russian).
- Kokashinskiy V. K., Tsipko A. S., Klyamkin I. M., *Propoved deystviem* [Preaching by Acting]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1968, 208 pp. (In Russian).
- Kosolapov R. I., *Ni teni utopii. Sotsializm: voprosy teorii* [Not a Hint of Utopia. Socialism: Questions of Theory]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1971, 143 pp. (In Russian).
- Kosolapov R. I., *Sotsializm: k voprosam teorii* [Socialism: Questions of Theory]. Moscow: Mysl, 1975, 476 pp. (In Russian).
- Kosolapov R. I., 'Dialektika nashey zhizni' [Dialectics of Our Life], *Oktyabr*, 1984, no. 5, pp. 167–175. (In Russian).
- Kosolapov R. I., *O samom glavnom: Raboty raznykh let* [On the Most Important Thing: Works of Different Years]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1985, 368 pp. (In Russian).

- Kosolapov R. I., 'Ob odnoy zapiske, kotoroy ne dali khoda' [On One Memo, Which Was Not Heeded], *Dialog*, 1995, no. 3, p. 84–85. (In Russian).
- Kosolapov R. I., *Iudino semya (Liki Smutnogo vremeni)* [Judah's Seed (Faces of Time of Troubles)]. Moscow: S. n., 1996, 52 pp. (In Russian).
- KPSS o perestroyke* [CPSU about Perestroika]: Collection of Documents. Moscow: Politizdat, 1988, 479 pp. (In Russian).
- Latsis O. R., *Tshchatelno splanirovannoe samoubiystvo* [A Carefully Planned Suicide]. Moscow: Moscow School of Political Education Press, 2001, 485 pp. (In Russian).
- Laval Ch., *L'homme économique: Essai sur les racines du néolibéralisme*. Paris: Gallimard, 2007, 416 pp.
- Lemke T., "The Birth of Biopolitics": Michel Foucault's Lecture at the Collège de France on Neo-Liberal Governmentality', *Economy and Society*, 2001, vol. 30, no. 2, pp. 190–207.
- Levada Yu. A., 'Problemy ekonomicheskoy antropologii u K. Marksa' [Problems of the Economic Anthropology of K. Marx], *Ekonomika i obshchestvo* [Economy and Society]. Moscow: All-Union Scientific Research Institute for System Studies Press, 1983, no. 8, pp. 86–97. (In Russian).
- Levada Yu. A. (ed.), *Sovetskiy prostoy chelovek: opyt sotsialnogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet Ordinary Man: The Essay in Social Portrait at the Turn of the 90s]. Moscow: Mirovoy okean, 1993, 300 pp. (In Russian).
- Levada Yu. A., *Sochineniya: problema cheloveka* [Works: The Question of Man]. Moscow: Karpov E. V. Pub., 2011, 526 pp. (In Russian).
- Levada Yu. A., *Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya* [Time of Changes: Subject and Position of the Researcher]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 870 pp. (In Russian).
- Lipsits I. V., 'Molodost uspekhu ne pomekha' [Youth Is No Hindrance for Success], *EKO*, 1982, no. 6, pp. 177–186. (In Russian).
- Lisichkin G. S., *Lyudi i veshchi* [People and Things]. Moscow: Sovremennik, 1989, 222 pp. (In Russian).
- Matza T., 'Moscow's Echo: Technologies of the Self, Publics, and Politics on the Russian Talk Show', *Cultural Anthropology*, 2009, vol. 24, no. 3, pp. 489–522.
- Matza T., "Good Individualism"? Psychology, Ethics, and Neoliberalism in Postsocialist Russia', *American Ethnologist*, 2012, vol. 39, no. 4, pp. 804–818.
- Mirowski P., Plehwe D. (eds.), *The Road from Mont Pèlerin: The Making of the Neoliberal Thought Collective*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2009, 480 pp.
- Mitrokhin N., 'Back-office Mikhaila Suslova, ili Kem i kak proizvodilas ideologiya brezhnevskogo vremeni' [Back-Office of Mikhail Suslov, or, Brezhnev Era's Ideology: How and by Who Was It Produced?], *Cahiers du monde russe*, 2013, vol. 54, no. 3–4, pp. 409–440. (In Russian).
- Peck J., 'Remaking Laissez-Faire', *Progress in Human Geography*, 2008, vol. 32, no. 1, pp. 3–43.

- Pinsky A., 'The Origins of Post-Stalin Individuality: Aleksandr Tvardovskii and the Evolution of 1930s Soviet Romanticism', *The Russian Review*, 2017, vol. 76, no. 3, pp. 458–483.
- Popov G., 'O ruble zarabotannom' [On an Earned Ruble], *Pravda*, 1980, May 24, no. 145. (In Russian).
- Ryvkina R. V., *Drama peremen* [A Drama of Changes]. Moscow: Delo, 2001, 471 pp. (In Russian).
- Sandle M., 'A Triumph of Ideological Hairdressing? Intellectual Life in the Brezhnev Era Reconsidered', Bacon E., Sandle M. (eds.), *Brezhnev Reconsidered*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2002, pp. 135–164.
- Sandle M., 'Brezhnev and Developed Socialism: The Ideology of Zastoi?', Bacon E., Sandle M. (eds.), *Brezhnev Reconsidered*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2002, pp. 165–187.
- Shatalin S. S., *Funktsionirovanie ekonomiki razvitygo sotsializma: teoriya, metody i problemy* [The Functioning of the Economy of Developed Socialism: Theory, Methods and Problems]. Moscow: Moscow State University Press, 1982, 384 pp. (In Russian).
- Shatalin S. S., 'Sotsialnoe razvitie i ekonomicheskiy rost' [Social Development and Economic Growth], *Kommunist*, 1986, no. 14, pp. 59–70. (In Russian).
- Shatalin S. S., Gaydar E. T., *Ekonomicheskaya reforma: prichiny, napravleniya, problemy* [Economic Reform: Causes, Directions, Issues]. Moscow: Ekonomika, 1989, 108 pp. (In Russian).
- Shatalin S. S., Levada Yu. A., Ustyuzhanina E. V. et al., *Sotsialnye resursy i sotsialnaya politika* [Social Resources and Social Policy]. Moscow: Nauka, 1990, 271 pp. (In Russian).
- Smirnov G. L., 'Sotsialisticheskiy gumanizm' [Socialist Humanism], *Pravda*, 1968, Dec. 16, no. 351. (In Russian).
- Smirnov G. L., *Sovetskiy chelovek: formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [Soviet Man: Forming of the Socialist Type of Personality]. 3rd edition. Moscow: Politizdat, 1980, 463 pp. (In Russian).
- Smirnov G. L., *Revolutsionnaya sut perestroiki: sotsialno-filosofskiy ocherk* [Revolutionary Essence of Perestroika: A Socio-Philosophical Essay]. Moscow: Politizdat, 1987, 223 pp. (In Russian).
- Smirnov G. L., 'Ustarel li marksizm?' [Is Marxism Outdated?], *Literaturnaya gazeta*, 1989, Nov. 8, no. 48. (In Russian).
- Smirnov G. L., 'K voprosu o leninskoy kontseptsii sotsializma' [On the Question of Lenin's Concept of Socialism], Smirnov G. L. (ed.), *Leninskaya kontseptsiya sotsializma* [Lenin's Concept of Socialism]: Collection of articles. Moscow: Politizdat, 1990, pp. 5–52. (In Russian).
- Smirnov G. L., *Uroki minuvshogo* [Lessons of the Past]. Moscow: ROSSPEN, 1997, 303 pp. (In Russian).
- Springer S., Birch K., MacLeavy J., *The Handbook of Neoliberalism*. New York; London: Routledge, 2016, 638 pp.

- Strelyanyy A. I., *V gostyakh u materi* [Visiting Mother], Lisichkin G. S., *Chto cheloveku nado?* [What Does Man Need?]. Moscow: Pravda, 1989, 478 pp. (In Russian).
- Tsipko A. S., *Optimizm istorii* [Optimism of History]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1974, 191 pp. (In Russian).
- Tsipko A. S., *Sotsializm: zhizn obshchestva i cheloveka* [Socialism: Life of Society and Man]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1980, 287 pp. (In Russian).
- Tsipko A. S., *Nekotorye filosofskie aspekty teorii sotsializma* [Some Philosophical Aspects of the Theory of Socialism]. Moscow: Nauka, 1983, 216 pp. (In Russian).
- Tsipko A. S., 'Vozrastanie roli chelovecheskogo faktora v ekonomicheskom razvitii sotsializma' [The Rise of the Role of Human Factor in Economic Development of Socialism], *Rabochiy klass i sovremennyy mir*, 1985, no. 3, pp. 21–33. (In Russian).
- Tsipko A. S., 'Istoki stalinizma' [Roots of Stalinism], *Nauka i zhizn*, 1988, no.12, p. 40–47. (In Russian).
- Tsipko A. S., 'Chelovek ne mozhet izmenit svoey prirode' [A Man Can Not Change His Nature], *Politicheskoe obrazovanie*, 1989, no. 4, pp. 68–78. (In Russian).
- Tsipko A. S., *Ispoved odessita-antisovetchika* [Confessions of an Anti-Soviet Odessa Native]. Moscow: Navona, 2011, 319 pp. (In Russian).
- Ulyukaev A. V., 'Svoboda kak neposredstvennaya proizvoditelnaya sila' [Freedom as an Immediate Production Force], *Kommunist*, 1990, no. 14, pp. 5–13. (In Russian).
- Vishnevsky A., 'Sotsialnaya zashchita ili gosudarstvennoe blagodeyanie?' [Social Welfare or State Benevolence?], *Kommunist*, 1990, no. 14, pp. 14–24. (In Russian).
- Yurchak A., 'Russian Neoliberal: The Entrepreneurial Ethic and the Spirit of "True Careerism"', *The Russian Review*, 2003, vol. 62, no. 1, pp. 72–90.
- Yurchak A., *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005, 352 pp.
- Zaslavskaya T. I., 'O sovershenstvovanii proizvodstvennykh otnosheniy sotsializma i zadachakh ekonomicheskoy sotsiologii' [On the Advancement of Production Relations of Socialism and the Tasks of Economic Sociology] (1983), UNLV: Center for Democratic Culture. <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/zaslavskaya_manifest.html>. (In Russian).
- Zaslavskaya T. I., 'Chelovecheskiy faktor razvitiya ekonomiki i sotsialnaya spravedlivosť' [The Human Factor in Economic Development and Social Justice], *Kommunist*, 1986, no. 13, pp. 61–73. (In Russian).
- Zaslavskaya T. I., 'O strategii sotsialnogo upravleniya perestroikoy' [On the Strategy of Social Management of Perestroika], Afanasev Yu. N. (ed.), *Inogo ne dano* [There Is No Other Way]. Moscow: Progress, 1988, pp. 9–50. (In Russian).
- Zaslavskaya T. I., *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]: In 3 vols. Moscow: Ekonomika, 2007, vol. 3: *Moya zhizn: vospominaniya*

i razmyshleniya [My Life: Memoirs and Thoughts], 763 pp. (In Russian).

Zdravomyslov A. G., 'Menya nikogda ne interesovalo kollektivnoe proizvodstvo idey' [I Was Never Interested in the Collective Production of Ideas], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 8–19. <https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf>. (In Russian).